

человек, закутанный в плащ, в широкополой шляпе, настолько широкой, что глаз его не было видно, схватил коня за недоузок и не пускал вперед. «Кошелек или жизнь?» — закричал он грубым голосом. Аргантель перепугалась так, что задрожала от ужаса. Ей казалось, что еще чуть-чуть — и она лишится чувств от страха, упадет с коня и рухнет на дорогу. Но все же у нее хватило рассудительности отвязать кошелек от пояса и швырнуть его на дорогу. И пока грабитель нагнулся за кошельком, она успела развернуть коня вспять и помчаться назад, к дому.

Аргантель всаживала шпоры в бока коня, который мчался бешеным галопом, будто ему подпалили хвост. Девушка была не самой ловкой наездницей, и ей больших трудов стоило удержаться в седле, вцепившись что есть сил в гриву коня. Скакали они напрямик со скоростью ветра. Нижние ветки деревьев со всей силы хлестали перепуганную девушку по лицу.

После долгой и изнурительной скачки взмыленный конь очутился, наконец, у ворот замка. Старшая дочь хозяина замка не спустилась, а сползла с седла. Ее щеки были исхлестаны в кровь, а ее красивая одежда вся распахнута и разодрана, сама же она потеряла силы от страха и усталости.

Когда отец увидел Аргантель в таком состоянии, то, огорченный и раздосадованный, только и сделал, что взглянул на нее с жалостью и, ни слова не говоря, разрыдался.

Дни шли за днями, несчастный хозяин замка все печалился: та надежда, что пробилась в его сердце, угасла, как пламя свечи, когда он поговорил со старшей дочерью после ее возвращения. Он снова впал в уныние, и болезнь начала одолевать его.

Он слег в постель, его лихорадило. И тогда средняя дочь, Гвенн, стала ухаживать за отцом и начала его расспрашивать том, что за беда и что за тоска его гложет.

Болезнь ослабила господина ар Гергоада, и, как он ни крепился, как ни старался держать в тайне причину своей тоски, он не смог сдержаться и рассказал средней дочери все, что было у него на сердце. В том числе и то, как огорчила его Аргантель, вернувшаяся в замок в самом жалком виде.